
А.С. Кручинин

ОРДЕН ЗА ПОЖЕРТВОВАНИЕ
(НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЭМИГРАНТСКИЙ ПРОЕКТ)

Хорошо известно, насколько тяжелым было финансовое положение послереволюционной русской эмиграции как в ее целом, так и в лице большинства, даже многочисленных и авторитетных союзов и обществ. Неудивительна поэтому высокая активность разнообразных благотворительных организаций: «Расцвет русской культуры в эмиграции того времени, — пишет о 1920-х гг. сегодняшний историк, — также в значительной степени обусловлен образцово поставленным делом сбора благотворительных пожертвований, а затем продуманным и добросовестным распределением этих средств, в том числе и для удовлетворения духовных запросов русской творческой эмиграции. Современных историков-исследователей поражает количество русских благотворительных фондов, существовавших тогда в зарубежье, способность русских людей, оторванных от родных мест и оставшихся без средств к существованию после урагана революции и Гражданской войны, откликаться на нужды ближних»¹. Особенно печальным было в без того нелегких условиях беженского существования положение людей, получивших увечья в боях Первой мировой и Гражданской войн: «Жизнь инвалидов — это бесконечная, до могилы, цепь страданий, лишений и горя» — этот рефрен и подобные ему неустанно звучали на протяжении десятилетий в обращениях Зарубежного союза русских военных инвалидов², далеко не всегда, однако, встречая отклик.

«И все-таки вопрос о сборах, о привлечении средств на оказание помощи инвалидам, был, есть и будет вопросом весьма трудным, сложным и неблагодарным, — писал один из активнейших деятелей союза, а в 1960–70-х гг. — его председатель генерал С.Д. Позднышев. — Можно полагать душу свою за други своя и не встретить сочувствия, отзвука и поддержки. Можно звать и не услышать ответа...

Это не есть голос осуждения, укора или выражение недовольства и горечи. Это есть указание на житейскую озабоченность человека своими делами, своими собственными нуждами, своим семейным бытом. Нельзя забывать того, что эмигрантский хлеб — горек, что он требует неустанного и напряженного труда, что человек

---

¹ Хитров А.М. О С.Н. Палеологе (1877–1933) // Палеолог С.Н. Около власти: Очерки пережитого: С приложением архивных документов. М., 2004. С. 5.

² 37-й день «Русского инвалида» // Русский инвалид: Орган Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов. Париж. 1962. Май. № 136. С. 1.

бьется со своей нуждой изо всех сил и часто едва сводит концы с концами. Сознание необеспеченности, недостатки материального характера, трудная, тяжкая работа, — все это не способствует проявлению чувств отзывчивости и жертвенности и не дает возможности человеку поступить так, как говорит ему сердце»³.

С этими свойствами человеческой натуры, должно быть, связано известное стремление многих благотворительных организаций каким-либо образом отмечать пожертвования — от широко распространенной практики публикации списков жертвователей и до изобретения специальных сертификатов, грамот, марок или даже знаков отличия. И если в 1920-х гг., скажем, «Казна великого князя Николая Николаевича» или Братство Русской Правды в целях более активного сбора средств на продолжение борьбы с советской властью (у Братства — даже партизанско-повстанческой) использовали непочтовые агитационно-благотворительные марки⁴, то для помощи русским инвалидам была выдвинута идея учреждения особого «ордена», изложенная в письме полковника А.П. Брагина в канцелярию великого князя Николая Николаевича от 16 апреля 1926 г.⁵

А.П. Брагин был участником Первой мировой войны, летом 1917 г. в чине капитана редактировал газету Ставки Верховного главнокомандующего «Известия действующей армии», в дни так называемого Корниловского выступления заведя типографией, находившейся в ведении Военного союза и Главного комитета Союза офицеров армии и флота, организовывал печатание приказов и воззваний Верховного главнокомандующего⁶, а после подавления выступления находился в заключении в Быхове вместе с генералами Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным, А.С. Лукомским, И.П. Романовским, С.Л. Марковым и др.⁷ Впоследствии Брагин принимал участие в Белом движении, эмигрировал и к середине 1920-х гг. проживал в Чикаго. Вспоминая дни, проведенные в Быхове, генерал Деникин через пять лет упомянул и о двух «наших поэтах» — капитане Брагине и военном чиновнике Б.А. Будиловиче, отметив разницу в их творчестве: «Брагин — злободневный бытовик, Будилович — лирик»⁸. В какой-то мере эта черта Брагина проявилась и в письме в канцелярию великого князя, проникнутом духом скептическим и некоторой иронией по отношению к человеческому тщеславию. Впрочем, как на источник идеи «ордена» автор письма ссылался на генерала А.М. Юзефовича, хотя и собственное его мироощущение должно было наложить отпечаток на содержание и настроение документа.

³ *Позднышев С.Д.* Сбор средств и деятельность Комитетов // *Русский инвалид...* 1962. Май. № 136. С. 9.

⁴ См.: *Палеолог С.Н.* Письмо в редакцию газеты «Новое время» // *Часовой: Иллюстрированный военный и морской журнал-памятка.* Париж. 1930. 30 апреля. № 30. С. 25.

⁵ Архив Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Карт. 3. Д. 58. Л. 1–2 об. (Далее в тексте приводятся цитаты из этого документа.)

⁶ См.: Показания капитана А.П. Брагина от 4–5 сентября 1917 года // Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. Т. 2: Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, 27 августа — 6 ноября 1917 г. М., 2003. С. 46–48.

⁷ См.: *Быховский альбом* // Там же. С. 513. (Приложение № 9.)

⁸ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова, август 1917 г. — апрель 1918 г. Р.: J. Povolozky & Cie, [1922]. С. 88.

Отмечая, что «всего чаще поступают жертвования от самых бедных слоев эмиграции и преимущественно от европейских группировок», а «сравнительно более состоятельные эмигранты в Европе и особенно в Америке жертвуют меньше», полковник подчеркивал сомнительность успеха надежды на «благородное сознание немногими (в документе — “немногих”. — А.К.) их обязанности в отношении пострадавших за них их братьев, истинный патриотизм, сострадание к несчастным и обездоленным и другие столь же высокие побуждения»: «Многовековой опыт истории учит нас тому, что НИКАКАЯ ПОЛИТИКА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ, НА БЛАГОРОДНЫХ ПОБУЖДЕНИЯХ ЛЮДЕЙ НЕ СТРОИЛАСЬ (здесь и далее выделено в документе. — А.К.), а если и строилась, то неизменно терпела крах».

Имея возможность наблюдать нравы Нового Света, Брагин пришел к выводу, что тщеславие и честолюбие «нигде так не распространены, как в странах с так называемым “демократическим” режимом, и особенно здесь, в богатой республиканской Америке». «Мимоходом замечу, — пишет он, — что не только природные американцы болеют жаждой титулов, отличий и пр., но и наши крестьяне-эмигранты (еще дореволюционной эмиграции), и особенно ДУХОВЕНСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ, страдают этим в неменьшей степени». Дабы «использовать эту общечеловеческую слабость», авторы проекта и предложили:

«Учредить три степени ордена “ЗЕЛЕНОГО КРЕСТА”: медаль, крест и звезду.

Описание: медаль желтого металла (бронзовая, может быть и золотая), эмаль зеленая

крест — тоже (к описанию медали и креста сделано примечание: “лента национальных цветов”. — А.К.)

звезда — белого металла (серебряная) с прикрепленным к ней крестом.

Особенность предлагаемой системы наград та, что каждая последующая степень включает в своем рисунке (так в документе. — А.К.) предыдущую, младшую. Ко всем наградам прилагается грамота в наивозможно более пышном издании с изображением наверху грамоты в красках самой награды».

Условия награждения предполагались весьма простыми и излагались с предельной откровенностью: «Награждаются: медалью — пожертвовавшие не менее ТРЕХ долларов», крестом — «ДВАДЦАТИ ПЯТИ дол<ларов>», звездой — «ПЯТИДЕСЯТИ долл<аров>».

При кажущейся разработанности проекта, содержащего и цветные рисунки медали и креста (четырёхконечного, с прямыми квадратными лучами), которые должны были крепиться на прямой вертикальной ленте с помощью ушка западного (английского?) образца, напоминающего прописную букву «П», а также четырёхконечной звезды, подобной звезде ордена Святого Георгия, — проект этот оставляет и ряд вопросов. Так, авторами не оговаривается рисунок или текст реверса креста и медали; не дается никакого объяснения избранному ими названию проектируемой награды (можно предположить простую аналогию с общеизвестным Красным Крестом и существовавшей в Гражданскую войну на Белом Юге благотворительной организацией «Белый Крест», но выбор цвета так и остается

секретом изобретателей); наконец, упоминание, «что возможность для провинциального священника выйти на амвон в праздник с лентою на груди заставит многих из них пожертвовать пятьдесят долларов на такое благое дело», как будто позволяет предположить существование в планах еще и ленты через плечо как одного из атрибутов высшей степени «ордена», — но тогда возникает вопрос, каким образом должны были бы скрепляться концы этой ленты (в традиционной системе — орденским крестом большого размера, составляющим вместе со звездой и лентой совокупность знаков высшей степени, о чем вряд ли мог не знать генерал Юзефович). Тем не менее Брагин, очевидно, считал систему ордена «Зеленого Креста» завершенной и с уверенностью писал об успехе, который ожидает новое начинание при его воплощении в жизнь.

«С исчезновением возможности украсить свою грудь Императорским орденом или даже медалью “за производство переписи” наблюдается положительная тоска по отличиям... Да и батюшка с орденом на груди возымеет несравненно больший авторитет для своей паствы, нежели ранее», — пишет он. Как видим, духовенство являлось для полковника предметом не только скептической иронии (впрочем, довольно добродушной), но и определенных надежд, и распространение награды вкупе со сбором пожертвований он предполагал производить не через инвалидные или иные воинские организации (по крайней мере, в письме об этом нет ни слова), а при помощи церковных структур: «Можно было бы выслать епископам и даже в отдельные приходы (которых тут около трехсот) некоторый запас знаков отличия, а грамоты высылать после, по получении денег и списков». Судя по такой процедуре награждения, эксплуатация человеческого тщеславия, по мысли Брагина, не допускала отсрочки вручения наград — вещественного подтверждения статуса «благодетеля», и к производству знаков «ордена» авторы проекта полагали необходимым приступить немедленно: «Заготовка (на первое время ограниченного числа знаков) может быть произведена заимообразно, ибо можно быть уверенным в успехе предприятия». Брагин прочит «прямо фурур» «в многомиллионной массе наших крестьян в Америке», однако не были забыты и «падкие на знаки отличия американцы», распространение «орденов» среди которых можно было бы поручить «и частным светским лицам».

Письмо было прочитано и, надо полагать, не без внимания, о чем говорят отчеркивания на полях и резолюция «обсудить», однако о результате обсуждения ничего не известно, как и не известно, был ли вообще составлен ответ, о котором просил Брагин. Причина нам видится в том, что согласно проекту «пожалование наградою» должно было «принадлежать В<ЕЛИКОМУ> КН<ЯЗЮ> НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ» и, следовательно, он мыслился и учредителем «ордена», а такое присвоение себе высочайших прерогатив (если относиться к награде серьезно) или профанация самого понятия ордена (если считать его просто побрякушкой, призванной тешить тщеславие благодетелей) равно не соответствовали бы и высокому чувству собственного достоинства, присущему великому князю, и занятой им в зарубежье позиции, в общем соответствовавшей классическому «непредрешенчеству» Белого движения (принятое Николаем Николаевичем в декабре 1924 г. «высшее руководство жизнью всех русских военных зарубежных органи-

заций, которые к тому времени были объединены в Русский Общевоинский союз»⁹, оказалось все-таки в значительной степени номинальным).

В то же время сочувствие Николая Николаевича делу помощи оказавшимся за границей русским инвалидам не подлежит сомнению: он «принял на себя также звание почетного председателя “Зарубежного союза русских военных инвалидов”» и, будучи сам ограничен в средствах и «не имея возможности прийти на помощь русским инвалидам сколько-нибудь существенно в материальном отношении», — «тем не менее горячо принимал к сердцу их интересы»: «Великий князь горячо радовался каждому более или менее значительному пожертвованию, которое удавалось получить или непосредственно союзом, или при его личном содействии. Он всегда охотно исполнял просьбы правления и радовался случаю выразить благодарность жертвователю от его имени»¹⁰. Можно предположить, что сама по себе личная благодарность русского великого князя, хотя ее и нельзя было приколоть на грудь, подобно медали или ордену, в каком-то смысле воспринималась многими жертвователями как награда, а у иных и стимулировала их щедрость в соответствии с рассуждениями полковника Брагина.

Поэтому, быть может, не случайно обращение Союза инвалидов к фалеристическому творчеству после кончины Николая Николаевича (5 января 1929 г.), — правда, теперь новоучрежденные знаки, конечно, теряли значительную долю своей «солидности», будучи лишь частными наградами общественной организации. Уже в 1930 г. появляется двухстепенный Почетный знак Зарубежного союза русских военных инвалидов, изображающий собою эмблему союза, причем «Положение о нагрудных знаках» предусматривает в качестве оснований для награждения (статьи 5-я и 6-я), помимо несколько аморфных «выдающихся исключительных заслуг по оказанию помощи инвалидам» или заслуг просто «выдающихся» (награждались 1-й и 2-й степенью соответственно), а также организаторской работы в подразделениях союза в течение соответственно десяти или пяти лет, — и пожертвования вполне конкретных денежных сумм: 10 000 франков для 1-й степени и 5000 — для 2-й. Заметим, что знак 1-й степени «первоначально изготовлялся золотой, большого размера, причем у верхнего его конца помещался зеленый лавровый венок, к которому прикреплялась русская национальная лента, и он носился как орденский знак», — и лишь «впоследствии венок был уничтожен, и знак носился не на ленте, а при помощи булавки»¹¹. В 1930–1932 гг. (до своей кончины) союз возглавлял генерал Н.Н. Баратов, но было ли учреждение Почетного знака его личной инициативой, нам неизвестно.

Зато другую «инвалидную» награду можно определенно связать с именем генерала А.Я. Ельшина, возглавлявшего организацию союза в Соединенных Штатах (как и Баратов, Ельшин и сам был инвалидом). Именно им в качестве «гроссмейстера ордена» («Grand Master of the Order») была подписана «Декларация» об уч-

---

⁹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. С. 347.

¹⁰ Там же. С. 349–350.

¹¹ Пашков П.В. Ордена, знаки и эмблемы русской эмиграции, 1920–1944 год. (На титульном листе место и дата — Париж, 1944; в действительности труд был завершен позже.) Машинопись, копия в собрании Российской государственной библиотеки. Без нумерации листов.

реждении «ордена и креста Сострадательного Сердца» («the Order and Cross of the Compassionate Heart» — название не вполне понятное, поскольку орден имел лишь одну степень) как награды американского отдела Союза инвалидов. Следует отметить, что основоположник исследований эмигрантской фалеристики поручик П.В. Пашков, следуя буквальному переводу в одном из русских зарубежных журналов, относит орден к знакам Общества русских ветеранов Великой войны, в то время как название организации «The Russian Veteran's Society of the World War», избранное, по-видимому, для соответствия общей номенклатуре, принятой комбатантскими союзами в Америке, должно обозначать именно отдел Зарубежного союза русских военных инвалидов, эмблема которого и украшает официальную листовку с «Декларацией» генерала Ельшина — президента общества («Society»).

Орден также имел двоякое назначение, будучи фактически знаком принадлежности к союзу (при уплате его членом 6 долларов) и, согласно постановлению от 10 августа 1933 г., символом заслуги перед союзом американских граждан. Учредители, впрочем, оказались не столь меркантильными, как авторы проекта «Зеленого Креста», и не стали конкретизировать формы и размеры оказываемой инвалидам помощи; более того, в число возможных кавалеров награды были включены «все американские граждане-патриоты» («all patriotic American citizens») — комбатанты Великой войны, члены Красного Креста «и всех благотворительных организаций и частных лиц, оказывавших услуги Союзникам во время <Первой> Мировой войны», члены правой организации «Американский легион» и др. Но и материальная сторона не была забыта: «Декларация» объявляла, что «средства, полученные от распространения награды»¹², будут положены в банк, а проценты пойдут на оказание помощи русским инвалидам. Сам орден цветовой символикой креста (красный центральный медальон, белые лучи) и ленты (черно-оранжевой) явно апеллировал к ордену Святого Георгия, внося «благотворительный» мотив в виде изображения пяти сердец, форму которых имели лучи и медальон. Изначально он должен был носиться на колодке традиционной формы, однако нам известна и фотография миниатюрного («фрачного») знака, не имеющего ушка и наложенного на розетку из орденской ленты; при этом он, конечно, несколько теряет свое «орденоподобие».

Разумеется, сложно сказать, насколько эффективным оказывалось учреждение таких наград и для многих ли жертвователей становилась стимулом перспектива получения соответствующего «ордена» или знака; неизвестна даже статистика выдачи последних и распределение награжденных по категориям. Тем не менее сам факт движения мысли награждающих по этому пути является своего рода характеристикой условий, в которых разворачивалась эмигрантская благотворительность, награды же вписывают в ее историю яркую и своеобразную страницу.

¹² Пашков П.В. Ордена, знаки и эмблемы русской эмиграции, 1920–1944 год. Цитата из «Декларации» дана в обратном переводе с английского.